

**ОПРОС:
XII КОНГРЕСС АНТРОПОЛОГОВ
И ЭТНОЛОГОВ РОССИИ**

Аннотация: В публикации представлены результаты опроса, проводившегося журналом «Антропологический форум» среди участников XII Конгресса антропологов и этнологов России (Ижевск, 3–6 июля 2017 г.). Им было предложено поделиться впечатлениями от состоявшегося Конгресса и высказать предложения по организации будущих подобных встреч. Полные тексты полученных ответов сопровождается обобщающий комментарий организаторов опроса.

Ключевые слова: XII Конгресс антропологов и этнологов России, Ассоциация антропологов и этнологов России, современное состояние антропологии и этнографии.

Для ссылок: Опрос: XII Конгресс антропологов и этнологов России // Антропологический форум. 2018. № 36. С. 235–276.

doi: 10.31250/1815-8870-2018-14-36-235-276

URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/036/survey.pdf>

ANTROPOLOGICHESKIJ FORUM, 2018, NO. 36

**SURVEY:
THE 12th CONGRESS OF ANTHROPOLOGISTS
AND ETHNOLOGISTS OF RUSSIA**

Abstract: This publication presents the results of the survey carried out by *Antropologicheskij forum* among the participants of the 12th Congress of Anthropologists and Ethnologists of Russia, which took place on 3rd–6th July 2017 in Izhevsk, Udmurtia, Russia. They were invited to share the impressions of the recent Congress and offer suggestions on the organisation of future meetings. The full texts of the responses are accompanied by a summarizing comment by the survey organizers.

Keywords: 12th Congress of Anthropologists and Ethnologists of Russia, Association of Anthropologists and Ethnologists of Russia, current state of anthropology and ethnography.

To cite: 'Опрос: XII Конгресс антропологов и этнологов России' [Survey: The 12th Congress of Anthropologists and Ethnologists of Russia], *Antropologicheskij forum*, 2018, no. 36, pp. 235–276.

doi: 10.31250/1815-8870-2018-14-36-235-276

URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/036/survey.pdf>

В опросе о XII Конгрессе антропологов и этнологов приняли участие:

- Иван Александрович Гринько** (Некоммерческое партнерство «Проект Этнология» / Московская высшая школа социальных и экономических наук, Москва)
- Владимир Александрович Дмитриев** (Российский этнографический музей, Санкт-Петербург)
- Марина Александровна Жигунова** (Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН, Омск)
- Роман Николаевич Игнатьев** (Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва)
- Михаил Евгеньевич Кабицкий** (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва)
- Мариям Мустафаевна Керимова** (Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва)
- Игорь Валерьевич Кузнецов** (Кубанский государственный университет, Краснодар)
- Елена Константиновна Малая** (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва)
- Людмила Ивановна Миссонова** (Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва)
- Наталья Семеновна Мухаметшина** (Самарский государственный технический университет, Самара)
- Александр Александрович Новик** (Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург)
- Алексей Геннадьевич Новожилов** (Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург)
- Людмила Ивановна Шерстова** (Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск)

XII Конгресс антропологов и этнологов России

В публикации представлены результаты опроса, проводившегося журналом «Антропологический форум» среди участников XII Конгресса антропологов и этнологов России (Ижевск, 3–6 июля 2017 г.). Им было предложено поделиться впечатлениями от состоявшегося Конгресса и высказать предложения по организации будущих подобных встреч. Полные тексты полученных ответов сопровождается обобщающий комментарий организаторов опроса.

Ключевые слова: XII Конгресс антропологов и этнологов России, Ассоциация антропологов и этнологов России, современное состояние антропологии и этнографии.

ОТ РЕДАКЦИИ

Альберт Кашфуллович Байбурин

Европейский университет
в Санкт-Петербурге /
Музей антропологии
и этнографии
им. Петра Великого
(Кунсткамера) РАН,
Санкт-Петербург, Россия
abaiburin@yandex.ru

Дарья Федоровна Мищенко

Институт лингвистических
исследований РАН /
Музей антропологии
и этнографии
им. Петра Великого
(Кунсткамера) РАН,
Санкт-Петербург, Россия /
Национальный центр
научных исследований,
Париж, Франция
zenitchiki@yandex.ru

Редакция журнала решила вернуться к проведению опросов по итогам Конгрессов этнографов и антропологов России¹. Речь пойдет о впечатлениях участников состоявшегося летом 2017 г. в Ижевске XII Конгресса. Мы обратились к потенциальным участникам опроса с такими вопросами:

1

Каково ваше общее впечатление от Конгресса?

Стало ли для вас что-то приятной / неприятной неожиданностью в работе Конгресса? Оцените организацию Конгресса.

2

Какие секции вам удалось посетить? Чем они вам запомнились?

3

Какие выступления произвели на вас впечатление (с позитивной и негативной стороны)? Какие обсуждения (в том числе кулуарные) вам запомнились и почему?

4

Возникали ли ситуации принципиального неприятия или непонимания другой научной

¹ Вплоть до XI встречи Конгрессы носили именно такое название, а начиная с XI Конгресса были переименованы в «Конгрессы антропологов и этнологов России». О предыдущих опросах см.: IX Конгресс этнографов и антропологов России: впечатления участников // Антропологический форум. 2011. № 15 Online. С. 475–597. <<http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/015online/congress2.pdf>>; X Конгресс этнографов и антропологов России: впечатления участников // Антропологический форум. 2013. № 19 Online. С. 360–406. <<http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/019online/congress.pdf>>. См. также: Антропологический форум. Специальный выпуск к VI Конгрессу этнографов и антропологов России. 2005.

позиции? Как вам кажется, различия научных позиций участников Конгресса определяются принадлежностью к разным школам, поколениям, дисциплинарным областям или чем-то еще?

5

Какие у вас есть предложения / пожелания к работе Ассоциации антропологов и этнологов России и организации следующего Конгресса?

Вопросы рассылались главным образом руководителям секций. Мы получили 15 ответов, из которых 13 были приняты к публикации.

Конгресс — это всегда грандиозное мероприятие, и благодарность его организаторам является неременной составляющей ответов. Однако в этот раз в общей тональности реплик преобладали критические нотки. Подведение итогов Конгресса с необходимостью ориентировано на будущие совещания подобного масштаба, поэтому имеет смысл сконцентрироваться на тех проблемах, которые обозначены в полученных ответах. Эти проблемы можно условно разделить на организационные и собственно научные (при явном преобладании первых).

Конгресс и место его проведения. Тематика состоявшегося в Ижевске научного форума традиционно никак не была соотнесена с местом его проведения. Если прежде участники этого практически не замечали и не отмечали в своих отзывах, то в этот раз не один человек обратил внимание на эту ситуацию. В регионе проведения Конгресса (как, впрочем, и в других местах) существует широкий круг проблем антропологического характера. Девиз Конгресса «Миссия антропологии и этнографии: научные традиции и современные вызовы» (при всей его надуманности) можно было спроецировать на те «современные вызовы», которые существуют в Поволжье, но решительно ничего для этого не было сделано. Конгресс жил своей, как всегда, насыщенной, но краткосрочной жизнью, а Ижевск и вся республика — своей, и они не пересекались, если не считать билбордов и афиш о проведении Конгресса на улицах Ижевска. Более того, мероприятие оказалось закрытым не только для местных жителей, но и для местных коллег, которые не всегда имели свободный доступ на секции (И. Гринько). В программе Конгресса не нашлось места для публичных лекций и мероприятий, которые могли бы заинтересовать жителей города. Что уж говорить об отсутствии живого общения с местными жителями, вопреки тому, что этнографы и антропологи уже в силу своих профессиональных навыков должны быть ориентированы на такие контакты. Видимо, организаторам будущих Конгрессов стоит обратить внимание на то, что место их проведения обязывает как минимум учитывать этнографические особенности и проблемы региона, а также поста-

раться сделать их максимально открытыми и по возможности полезными для жителей.

Что происходит с идеей Конгресса? Главное совещание этнографов и антропологов России проходит раз в два года и является самым представительным собранием профессионалов в антропологии, этнографии и смежных областях. Казалось бы, и прошедший Конгресс не дает никаких оснований в этом сомневаться, хотя бы благодаря числу участников. Между тем количество участников не всегда коррелирует с представительностью форума. «На настоящий момент Конгресс <...> не представляет всего профессионального сообщества страны, а каждый раз проводится на основе случайной выборки, более рекрутируемой из академических институтов, поддержанной еще более случайным участием сотрудников других учреждений» (В. Дмитриев). Количество заявленных докладов намного превышало число реальных участников прошедшего Конгресса. В результате можно говорить не только о «мертвых душах», фигурирующих лишь в программе, но даже о «мертвых секциях», которые не состоялись по причине отсутствия участников. Кажется, такое произошло впервые. Одной из причин, видимо, стала общая ориентация на наукометрические показатели, которые для многих являются более значимыми, чем собственно научные интересы. «Поскольку сейчас для отчетов требуют скан программы или тезисов доклада, то некоторые исследователи высылают свои тезисы, даже не планируя участвовать лично в работе Конгресса, но в свой отчет ставят участие в Конгрессе и прилагают соответствующий файл программы» (М. Жигунова). В то же время публикация большого количества тезисов, даже несмотря на фактическое отсутствие их авторов на Конгрессе, может рассматриваться как плюс: «[Н]есмотря на, как правило, большое количество заявок, в силу недостаточных финансовых возможностей не все могут сделать свой доклад, но публикация даже небольших тезисов дает представление о результатах работы исследователей разных направлений» (Л. Шерстова).

Призывы к более жесткому отбору участников наталкиваются на желание многих участников иметь «свою секцию», а это возможно лишь при большом количестве принятых заявок. Ну и, разумеется, сказывается низкая культура отказов, чтобы не сказать ее отсутствие. В результате образовалось запредельное количество секций (более 50), что частично компенсировалось тем, что некоторые были явно не рабочими, а другие попросту не состоялись. Отмечается, что набор секций был вполне привычным, «от секций традиционного ядра с фокусом почти исключительно на формальной этнографии, до одной в авангарде. В этот раз такой стала секция № 21 “Технологии и телес-

ность: новые концепции и методы исследования”, цель которой — перевод, трансляция влиятельных западных теорий» (И. Кузнецов). Вместе с тем удивление вызывало отсутствие секций, например, по кавказоведческой проблематике и этнографии русских.

Основной ценностью подобных форумов считается возможность общения с коллегами. Отсутствие общей площадки для всех участников Конгресса делало и это затруднительным. Своего рода вишенкой на торте стала отмена заключительного заседания с подведением итогов Конгресса, что было расценено как проявление явного неуважения к участникам. В результате не кажутся столь уж необоснованными высказывания о деградации самой идеи Конгресса или об «очевидном кризисе жанра подобного рода форумов» (А. Новик).

Будет ли у этнографов и антропологов настоящая Ассоциация? Изложенные проблемы проведения Конгрессов некоторые авторы ответов связывают с отсутствием полноценной активно функционирующей ассоциации членов нашего сообщества. Существующая «ассоциация» проявляется только на время подготовки и проведения Конгрессов. Неслучайно ее определяют либо как некое приложение к ИАЭ, либо как условное образование при Конгрессе. В любом случае речь идет об отсутствии у ассоциации официального статуса. «Держать, как сейчас, Ассоциацию антропологов и этнологов России просто за приложение к Институту этнологии и антропологии значит не воспользоваться даже малым шансом на профессиональное выживание. В лихолетье реформ, когда идет укрупнение, в академии — институтов, а в университетах — кафедр (в КубГУ кафедру археологии и этнографии уже “оптимизировали”), защиты можно ждать только от профессионального сообщества, авторитетного и самоуправляющегося, хотя бы частично. Энтузиазм, вспыхнувший было в Екатеринбурге, видно, уже начал гаснуть после того, как уважаемый Андрей Владимирович Головнёв занял место директора МАЭ. Как еще объяснить, что так ничего и не произошло?» (И. Кузнецов). Этот вопрос должен быть обращен ко всем тем членам нашего профессионального сообщества, кто заинтересован в появлении самостоятельной, постоянно действующей Ассоциации. Журнал «Антропологический форум» готов предоставить площадку для обсуждения вопросов реанимации идеи Конгресса и создания необходимой для всех нас реальной Ассоциации антропологов и этнологов России.

Альберт Байбурин, Дарья Мищенко

ИВАН ГРИНЬКО

1

В целом [впечатление] положительное. Неожиданностей не было: и позитивные, и негативные моменты были традиционны и предсказуемы. Из позитивного — очень теплый прием от коллег из Удмуртии.

Из негативного: низкая культура отказа в научной среде привела к диспропорции в количестве участников секций, из-за чего часть из них была явно не рабочей. Кроме того, это очень сильно затрудняло мобильность между секциями — не всё из запланированного удалось послушать, хотя в целом география Конгресса была очень компактной и удобной. Исключение — музейная и полевая секции, которые проводились за городом, в «Лудорвае».

Столь же традиционной была и закрытость Конгресса, что отметили местные коллеги, у которых возникли проблемы с проходом на секции. Данная политика изолированности от внешнего мира сегодня выглядит немного странно. Печально было наблюдать за уменьшением числа очных участников, но, видимо, эта тенденция сохранится в ближайшей перспективе.

2

Как это ни странно, удалось посетить собственную секцию «Этнология и юмор»,

Иван Александрович Гринько
Некоммерческое партнерство
«Проект Этнология» /
Московская высшая школа
социальных
и экономических наук,
Москва, Россия
wagr-j@inbox.ru

а также «Полевая этнография: традиционные методики и вызовы времени» и «Междисциплинарные методы исследования этнических взаимодействий: фольклор и мифология». На нашей секции запомнилась домашняя атмосфера: участники не хотели расходиться — и это показатель эффективности работы.

3

Главное негативное ощущение от докладов многих коллег оставил не столько контент, сколько полное игнорирование soft skills. Речь даже не о том, что к 2017 г. вполне по силам овладеть навыками создания презентации хотя бы в Power Point и понять, что на слух многие вещи воспринимаются крайне тяжело. Куда большая проблема — отсутствие интереса к теме доклада у самих выступающих и отношение к выступлению как к тяжелой обязанности, а не интеллектуальному удовольствию.

4

Не заметил.

5

Основное пожелание — делать Конгресс полезным для места проведения. Мне поступило сразу несколько запросов от ижевских коллег на проведение мероприятий во время Конгресса, и одну публичную лекцию удалось сделать. К сожалению, этот кейс стал исключением из общей картины.

Политика Ассоциации должна быть направлена на то, чтобы показать, что Конгресс — это инструмент для развития территорий. Программу надо максимально насыщать публичными событиями: от научно-популярных лекций до пресс-завтраков. Секции должны быть открыты для интересующихся и учитывать этнокультурную проблематику региона.

Еще одно пожелание к членам и руководству Ассоциации — собирать кворум и проводить полноценное голосование, поскольку процедура в демократическом сообществе не менее важна, чем результат.

ВЛАДИМИР ДМИТРИЕВ

Владимир Александрович Дмитриев
Российский этнографический музей,
Санкт-Петербург, Россия
dmitriev_home@mail.ru

XII КАЭР продолжает традицию встреч отечественных специалистов, антропологов, этнографов и тех, кто считает себя близкими к этим направлениям науки. Сам Конгресс в определенном смысле — повод для корпоративного праздника и место для встречи тружеников науки, которым хотелось бы в обстановке праздника встретиться и придать значимость тем контактам,

которые в повседневной деятельности не получают дальнейшего развития. В этом плане Конгресс свою функцию выполнил в силу того, что он состоялся, его ценность как места встречи соратников перспективна и прогнозируема.

С точки зрения понимания Конгресса как повода для встречи специалистов и корпоративного праздника можно высоко оценить место его проведения. Смена площадок не влияет на тематику и качество работы высшего форума этнографов и антропологов страны, но дает важную информацию тем, для кого пребывание в месте работы Конгресса не соответствует их узкопрофессиональному профилю. Принимающая сторона сделала все для того, чтобы и работа Конгресса, и его информационно-культурное оснащение были качественно подготовлены. Следует отметить, что было много неформальных контактов и, соответственно, получено много интересной информации от представителей научной общественности Ижевска и от его жителей. При этом даже краткое наблюдение позволяет увидеть наличие значительного круга проблем культурно-антропологического плана в городе и республике, в том числе связанных с текущим этапом модернизации провинциально-индустриальных регионов России, что не нашло достаточного отражения в тематике работы Конгресса. Обращение к данному кругу проблем могло быть более эффективным, чем работа под девизом «Миссия антропологии и этнографии: научные традиции и современные вызовы», тем более что в ходе работы Конгресса не было предложено формулировки к обсуждению того, в чем состоит взаимодействие «традиций» и «вызовов». Также достойно сожаления отсутствие заключительного пленарного заседания и, соответственно, официального подведения итогов работы Конгресса.

Оценивать качество проведения XII КАЭР можно, только если не преувеличивать значение этого научного форума как полноценного собрания антропологов и этнографов страны. На настоящий момент Конгресс не является таким совещанием, т.к. не представляет всего профессионального сообщества страны, а каждый раз проводится на основе случайной выборки, более рекрутируемой из академических институтов, поддержанной еще более случайным участием сотрудников других учреждений. Участие сотрудников региональных учреждений и научных центров в работе Конгресса является обратной функцией расстояния до места работы Конгресса.

Работа Конгресса как агломерата секций — его естественное состояние. Трудно предположить, что может быть согласование работы секций, но в текущем режиме прошедшей сессии была продемонстрирована нежелательность такого согласования.

Работа секций, как представляется и что может быть в данном случае абсолютно частным опытом, зависит от нескольких факторов: актуальности темы, авторитета модераторов, стабильности существования секции, что, собственно, является проецированием на ее работу либо имеющейся научной проблемы, либо результатов работы научного коллектива.

Я заявил себя участником двух секций. Работа одной из них (секция № 11 «Земельный вопрос и землеустроительные экспедиции») не состоялась по необъявленной причине, и я с исследователем из Японии были единственными, кто в назначенном месте безрезультатно ждали начала работы секции.

Я также посетил секцию № 15 «Антропология спасения» и проблема исчезновения малых народов», действовавшую относительно недолго, но чрезвычайно успешно, т.к. она была связана с представлением подготовленных к оценке результатов работы по нескольким проектам, объединенным общими целями. Главным достижением проведения данной секции было то, что исследование различного этнического материала (малочисленные этносы северо-запада России и северо-запада Кавказа) дало результаты, стимулирующие к дальнейшей деятельности всех участников секции.

Основным местом моего присутствия была секция № 43 «Образы территорий: “переживания” пространства». На секцию было заявлено более 90 докладов, большинство из них состоялось, поэтому секция действовала в течение всего отведенного ей времени. Фактически обсуждался каждый доклад, дискуссионный накал сохранялся все три дня работы секции. Особо можно отметить обсуждение докладов представителей Татарстана, интерес к которым был определен объединяющей их темой — практикой исследования этнического фактора в республике, инициированной властными структурами Татарстана.

Секция с данной проблематикой в этом году продолжила освещение темы, начатой на XI КАЭР, ее функционирование доказало актуальность выбранного направления исследования, и можно отметить, что происходит формирование из исследователей разных регионов и различных учреждений группы, готовой и далее демонстрировать результаты работы по этой проблематике.

МАРИНА ЖИГУНОВА

1

Общее впечатление от Конгресса удручающее. Это был худший из всех конгрессов. И это мнение не только мое личное, но и очень многих «бывалых» этнографов. После Конгресса в Ижевске возникло ощущение, что происходит деградация и самой идеи проведения этого научного форума, и отдельной части этнографов. Это уже 12-й Конгресс, с 1995 г. очень многое изменилось. Пора подумать о некоторых изменениях и в организации нашего Конгресса.

Неприятно поразил приглашенный на пленарную сессию американский докладчик из Лос-Анджелеса, который пропагандировал якобы научно обоснованное эволюционное превосходство однополых браков над двуполыми. Кстати, его фамилия и доклад в программе и сборнике тезисов Конгресса были почему-то напечатаны на английском языке. Видимо, организаторы забыли, что Конгресс проходит на территории РФ, где государственный язык — русский! Когда мы научимся себя уважать? (Следует заметить, что имя следующего пленарного докладчика — Золтана Надя — и его доклад были опубликованы на русском языке, как и тезисы других иностранных участников.)

Непозволительно было отменять заключительное пленарное заседание, не известив об этом всех участников Конгресса. Это просто возмутительно, когда многие приехали на такси в проливной дождь, а оказалось, что ничего не будет. Суть заключительного заседания — подвести итоги работы, принять резолюцию, содержащую конкретные предложения. Нужно вернуть отчеты руководителей секций, чтобы все участники были в курсе поднятых проблем и предложений. Так начинает развиваться формализм — никто не знает точное количество заслушанных докладов. Количество докладчиков можно примерно посчитать по спискам зарегистрированных. Но не все из них выступали с докладами. Я знаю лично

Марина Александровна Жигунова

Омский филиал Института
археологии и этнографии
СО РАН,
Омск, Россия
marizh.omsk@mail.ru

нескольких человек, которые были на Конгрессе, но с докладами в силу ряда причин не выступали. В том числе из-за непросяхаемого пьянства. Дожливая холодная погода частично способствовала приему горячительных напитков, но не до такой же степени!

В целом — слабая информационная составляющая. Многие волонтеры ничем не могли помочь, не знали, где именно проходит конкретная секция. На корпусах университета отсутствовали объявления о том, в какой аудитории проходит какая секция.

Хорошо и профессионально работали экскурсоводы. Но и здесь — для многих участников оказалось неприятным сюрпризом, что выбранные заранее экскурсии нельзя было перенести на другой (более удобный) день. Заявки собирались заранее, когда еще не было расписания работы секций. Это очень неудобно. По моему разумению, заявки собираются с целью общего мониторинга желающих принять участие в той или иной экскурсии, конкретнее можно определиться только после получения общей программы работы Конгресса и скоординировать свои планы с планами коллег из других регионов.

2 Я приняла участие в работе трех секций. Интересно и в дружеском обсуждении прошла работа секции по юмору. Работа нашей с М.Н. Губогло секции № 17 прошла, как всегда, замечательно. Приятно, что приходили слушатели на конкретные доклады. Секция № 40 «Общие и прикладные проблемы изучения этнографии русского народа» огорчила малым количеством присутствующих. Жаль, что изучение самого многочисленного и государствообразующего этноса не является приоритетным направлением в отечественной науке и не вызывает научного интереса. В сущности, этому и был посвящен мой доклад, который слушали всего пять человек.

4 Нет, неприятия мне не встретилось. Различия научных позиций определяются многими факторами, в том числе личным представлением каждого отдельного ученого.

5 Во-первых, я считаю, что в программу Конгресса нужно включать фамилии только тех участников, которые подтвердили свое личное участие. Это позволит реально ориентироваться в ней. Зачастую получалось так, что человек приходит на конкретный доклад, а он уже прозвучал, или докладчик не приехал. Отдельные руководители секций специально приглашали коллег прислать свои тезисы именно к ним, чтобы набрать наибольшее количество участников. Так и говорили: «Вы присылайте, а участвовать необязательно». Поскольку сейчас для отчетов требуют скан программы или тезисов доклада,

то некоторые исследователи высылают свои тезисы, даже не планируя участвовать лично в работе Конгресса, но в свой отчет ставят участие в нем и прилагают соответствующий файл программы. Такая фальсификация не редкость.

Во-вторых, необходимо более жестко отбирать участников. Не нужно гнаться за количеством, от этого обычно страдает качество. Вот недавний пример. После фуршета я стояла у гардероба, чтобы получить свою куртку. Мое внимание привлекли три подвыпившие девицы. Их разговор цитирую: «Привет, Леннок. И ты здесь? Ты зарегистрировалась?» — «Нет, я не регистрировалась и выступать не собираюсь. Самое крутое — это приехать на Конгресс и на халяву побухать на банкете!» Понятно, что здесь любые комментарии излишни. Четко организовать работу мероприятия, в котором участвуют около 500 человек, довольно проблематично. Форма фуршета не совсем удобна для полноценного общения (хотя следует отметить, что здесь организаторы постарались на славу!).

В-третьих, необходимо сократить количество секций до 20–25. Когда более 50 секций и круглых столов, невозможно успеть поучаствовать во всех, где хотелось бы. Опять же основная заявленная проблематика конкретного Конгресса при таком огромном количестве секций размывается, в то время как рассматриваемые на различных секциях темы зачастую повторяются.

В-четвертых, необходимо максимально близко (в идеале — в одном или соседнем здании) организовывать работу секций, чтобы была возможность посетить все интересующие заседания и пообщаться с нужными людьми. К примеру, если участников секции утром увозили в «Лудорвай», то самостоятельно туда добраться было сложно.

В-пятых, я уже неоднократно предлагала Оргкомитету очень четко указывать требования для оформления тезисов, чтобы руководители секций не тратили время на техническую работу (кегель, шрифт, порядок расположения названия, фамилии, места работы). Лучше всего дать образец оформления.

РОМАН ИГНАТЬЕВ

Роман Николаевич Игнатъев

Институт этнологии
и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН,
Москва, Россия
roman.ignatiev@gmail.com

1

Приятная неожиданность состоит в том, что для секции «Экспериментальная антропология» организаторами было выделено чудесное помещение ижевского Штаба городских проектов «ЛИФТ» <<https://vk.com/shtab.lift>>. Мне кажется, всем участникам

и гостям секции оно пришлось по душе, работать там было очень приятно. За это отдельная благодарность организаторам и персоналу «ЛИФТа». Поэтому я склонен со своей колокольни высоко оценить организацию Конгресса. Таково и общее впечатление от него.

2

Все два дня работы секции «Экспериментальная антропология» я провел, занимаясь секцией. Мне не удалось посетить «полевую» секцию Александра Новика, так как на третий день я уезжал и просто не успел бы вовремя на поезд (секция работала в удаленном месте). Секция «Экспериментальная антропология» запомнилась мне высоким уровнем докладов и какой-то удивительной мотивированностью выступавших и слушателей. Это можно почувствовать, посмотрев «онлайны» секции: <<https://www.youtube.com/watch?v=zWQyTfxu3OU>> (первый день) и <<https://www.youtube.com/watch?v=-woDAMSfL6M>> (второй день). Признаюсь, я не думал, что все пройдет так здорово, и хотел бы выразить искреннюю благодарность всем слушателям и докладчикам.

3

Все доклады были замечательными, но выделить хотелось бы три доклада, которые я считаю важными для себя: «Зачем мы респостим анекдоты?» (А. Архипова, Д. Радченко, М. Волкова, А. Кирзюк, Е. Югай и А. Титков), «Всё становится экспериментальным: в поисках диалога между современным искусством и современной антропологией» (В. Филатова) и «Гонзо: страх и ненависть в антропологии» (Д. Доронин). В моем понимании подобная смелость и интеллектуальность — это и есть антропология. Не сомневаюсь, что такие антропологи добьются признания, хотелось бы только, чтобы на родине.

Из кулуарных обсуждений запомнилось вот что. Вечером за столиком в кафе один уважаемый коллега взял за душу правдивой и объективной оценкой происходящего / творящегося сейчас в нашей науке и культуре. Произносились замечательные слова, и я не удержался: «Вы не думаете, что все, что здесь говорится, заслуживает пленарного доклада?» — «Ну все же всё знают...» — «Понимаю, после этого уже не пойдешь пить пиво». Думаю, в этом состоит наша главная проблема: когда люди, имеющие по своему статусу возможность сделать пленарный доклад, делают его в пивной.

4

С моей точки зрения, на секции «Экспериментальная антропология» не чувствовалось перечисленных проблем.

5

Скажу откровенно: выбор «южного» направления представляется мне ошибкой. Убежден, что следующий Конгресс следовало бы организовать во Владивостоке. Думаю, когда-нибудь это произойдет. Тем более знакомство с Ю. Латушко (доклад

«Комплексные исследования мелко- и среднемасштабных островов Тихого океана») дает надежду на то, что препятствия к проведению представительного форума на российском Дальнем Востоке будут устранены.

МИХАИЛ КАБИЦКИЙ

1

Общее впечатление хорошее, позитивное. Приятной неожиданностью стал высокий художественный уровень концерта на церемонии открытия. Также на высоте была в целом организация: все (или почти все) делалось четко, просто, удобно.

Неприятных неожиданностей можно назвать две: отмена последнего дня работы Конгресса (и соответственно отсутствие общего подведения итогов) плюс очень дождливая погода. Понятно, что это не зависящие от организаторов обстоятельства, особенно второе, но в результате последний день пребывания в Ижевске оказался фактически потерян. Да, и еще жаль, что очень многие записавшиеся участники не приехали.

2

Мне удалось посетить очень мало секций, т.к., будучи председателем, я не мог покинуть свою секцию, а многие интересные мне выступления и заседания совпадали с ней (или друг с другом). Другие были территориально далеко: это, конечно, символично — поместить полевиков в «Лудорвай», но ведь добраться туда непросто!

Запомнилась секция № 53 о родстве, там была живая интернациональная дискуссия.

3

См. п. 2. На секции по родству было много хороших выступлений: очень разных, но в то же время по-своему интересных. Из негативных впечатлений — выступления некоторых коллег (не буду называть имен), которые иногда, к сожалению, придают больше значения формальной стороне (отметиться, сфотографироваться «как я делаю доклад»), а не содержательной.

Михаил Евгеньевич Кабицкий
 Московский государственный
 университет
 им. М.В. Ломоносова /
 Российский государственный
 гуманитарный университет,
 Москва, Россия
 kabitski@yahoo.es

Что касается кулуаров, то да, было несколько плодотворных бесед, но вот для этого как раз возможностей было мало. Люди встречали друг друга где-то в городе, в обеденный перерыв, разговаривали на улице, потом бежали по своим маршрутам.

4

Я бы не сказал, что наблюдал какое-то принципиальное неприятие научной позиции. Пара комментариев отдельных участников выглядели как не относящиеся к делу, но это как раз вопрос не научных позиций, а, наоборот, слишком личного восприятия рассматриваемых проблем.

Пожалуй, самыми противоречивыми из тех, что я слышал, были оценки выступления Дуайта Рида на пленарном заседании: и как очень новаторского и интересного, и как непонятного и претенциозного. Возможно, здесь действительно присутствовал момент различия научных школ и традиций, плюс наложился эффект пленарного заседания: тот, кто приглашен выступить на нем, воспринимается как некий постулируемый авторитет, что и вызывает у кого-то протест.

5

Мое давнее пожелание (уже, наверное, лет 15 тому) Ассоциации — это собственно стать ассоциацией, организацией с конкретным членством, своими проектами и мероприятиями (но по возможности невысоким членским взносом!). К этому вроде бы почти пришли в Екатеринбурге, но в итоге все равно Ассоциация остается неким условным образованием при Конгрессе.

Поскольку следующий Конгресс намечен в Дагестане, то было бы здорово, если бы все не ограничивалось Махачкалой, чтобы участники Конгресса смогли увидеть Дербент, побывать в горах, а возможно, и найти способ пообщаться с местными жителями — все-таки у нас наука про людей. Парадоксально: этнографы всегда ездили в сельскую местность, а конгрессы мы проводим в городах, но тогда какой смысл перемещаться по стране?

МАРИЯМ КЕРИМОВА

1

Очень хорошее впечатление от Конгресса. Отличная организация, размещение в гостинице в центре города, бесплатный вход в музеи, театральное представление, отличные экскурсии.

Недостаток: не было заключительного заседания по итогам Конгресса.

Мариям Мустафаевна Керимова
Институт этнологии
и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН,
Москва, Россия
mkerimova@yandex.ru

2

Была руководителем секции № 1 «История, историография и перспективы этнологической науки». Другие секции посетить не удалось, т.к. заседания проходили в течение трех дней.

3

На секции изначально был заявлен 41 доклад. 17 из них было заслушано в Ижевске. Планировалось обсудить проблемы, касающиеся истории этнологии, применяемых в этой области знания научных методов и методологических подходов, школ и течений, нового осмысления историографических и источниковедческих проблем.

Большинство докладчиков сосредоточили свое внимание на вкладе ученых в развитие науки. Наиболее содержательными и интересными были доклады Ю.К. Чистова «А. Пинар в России. Об авторе самых ранних фотографий коллекций и экспозиций Музея этнографии Академии наук», В.Ц. Головачева «Этнографическое путешествие на Тайвань в 1875 г.: инструментарий и методики этнологических исследований П.И. Ибиса», О.И. Брусиной «Вклад д.и.н. Ш.Х. Кадырова в этнологию и этнографию народов Туркменистана», Л.А. Волковой «Эпистолярное наследие Н.Г. Первухина как этнографический источник», Д.А. Черниенко «Вклад А.С. Бежковича в изучение материальной культуры украинцев и развитие отечественной этнографии». Представленные доклады дали возможность судить о том, как решались многими учеными в контексте их времени проблемы преемственности в науке, показать, на какие традиции они опирались и какие научные вопросы воспринимались ими как центральные, достойные продолжения и анализа, а какие в качестве маргинальных.

Кроме того, следует выделить интересные доклады, касающиеся публикации и архивации полевых этнографических материалов, публикации российских письменных этнографических источников. Среди такого рода докладов следует отметить выступления Н.П. Копаневой «Источники изучения этнографического собрания Кунсткамеры первой половины XVIII в.», С.И. Михальченко «Мемуары русских профессоров-эмигрантов как источник по истории быта южных славян 1920-х гг. (по неопубликованным материалам)», Е.Б. Толмачевой «Музейная фотоколлекция как отражение личности собирателя».

4

Не возникали.

После доклада А.А. Сириной «Тунгусская экспедиция 1927–1928 гг. в истории московской этнографической школы» развернулась полезная и содержательная дискуссия о том, существовали ли в 1920–1930-е гг. московская и петербургская школы этнографии / этнологии. После бурного обсуждения участники пришли к выводу, что нельзя говорить о двух

отдельно существовавших школах, т.к. в то время не было особых различий в методах исследования, методологии и научных взглядах московских и петербургских ученых. Наиболее аргументировано и четко обосновал эту позицию Алексей Васильев из Института Европы в Люблине (Польша).

5 Пожелание провести следующий Конгресс в Махачкале на таком же высоком уровне.

ИГОРЬ КУЗНЕЦОВ

1 Дожливый не по-летнему Ижевск; артистичные пленарные доклады, кроме одного; приветливый Алексей Егорович у входа в Welcome Center; кино среди музейных витрин о молении Иммару Кылчину, темных избах и забытых вепсах; мелькающий то здесь, то там «закамский» костюм Евы Тулуз (Тартуский университет) — создавали гармоничное настроение, способствуя включению в местную этнографию, чего и хотелось, уверен, очень многим. Лично мне поэтому и интереснее конгрессы, проходящие в поволжско-уральских республиках и субъектах. (В годы оруэлловского «война — это мир, незнание — это сила» никому и в голову не приходит затевать разговор о реальных проблемах финно-угорских народов.) Не заслонили этих грез и последние дни, взъерошенные сдвигами и переносами встреч и собраний.

2 Секция № 3 «Миссия американистики в России», и хоть в этих словах — аллюзия к общему названию (или лозунгу) Конгресса, доля пафоса здесь все равно уместна. Вторя руководителю Алексею Александровичу Истомину (ИЭА), сегодня у тематики секции действительно есть свое предназначение перед российской аудиторией. Американская антропология, несмотря ни на что, лидирует, а коренное население Нового Света служило и служит своеобразным эталоном, поставляя антропологам хрестоматийные примеры, будь то потлач у квак-вак-вак или система пратйк на Гаити.

Игорь Валерьевич Кузнецов
Кубанский государственный
университет,
Краснодар, Россия
igorkuznet@gmail.com

Весь XX в. на американских материалах составлялись бриколажи из мифов, велись постколониальные, гендерные и прочие дебаты, разрабатывались концепты экологических ниш и вместимости, развивалась этноистория, существенно расширившая досягаемость антропологического метода, формулировались влиятельные идеи возникновения современного общества, государственности, к примеру *circumcision theory*. Поразительно, как на таком фоне иссякал интерес и сокращалось число этнографов-американистов в России, грозя вообще вывести эту область за границы профессионального поля — в московском институте уже нет больше ни специального отдела, ни сектора. В доказательство растущей тревоги в самом российском академическом сообществе сошлюсь на прошлогодний свой разговор в Смоленске с Эдуардом Александровичем Александренковым (ИЭА), планировавшим именно такую секцию.

Как хочется, чтобы запустить антиэнтропийный процесс получилось у людей, до известной степени перенявших эстафету семинара покойного Александра Владимировича Ващенко (МГУ)! Присутствовали вчерашние индеанисты, среди них — настоящие героические полевики, как Андрей Матусовский (независимый исследователь). То, что работать, будучи окруженным «прелестями» дождевого амазонского леса, непросто, мне стало по-настоящему ясно после недели в эскимосском селении на берегу океана, где ни деревца, ни даже стереотипного тундрового гнуса. Просидели стойко, в душевной аудитории, до последнего слова — этнографы, танцоры на карельских пау-вау, лингвисты, историк права, музейщики, — невзирая на алармистские SMS от Ассоциации, зовущей на всеобщее «вече».

Примечательно, однако, что доклады выходцев из романтики в науку подчас были более скованы в методах и теории, нежели у прошедших весь цикл формального образования. Возможно, это объясняет, где надо искать причины небывалой резистентности предшествующих парадигм и эпистем. Витал на секции и другой призрак — молодые «хранители врат» бойко отбивались от критики «аутсайдеров».

3

Как видно, несмотря на попытки каждый раз привязать работу Конгресса к определенной центральной проблеме, agenda российской этнографии / антропологии, т.е. набор тем, на которые пишут и которые считают возможным обсуждать, кажется весьма устойчивым: от секций традиционного ядра с фокусом почти исключительно на формальной этнографии, до одной в авангарде. В этот раз такой стала секция № 21 «Технологии и телесность: новые концепции и методы исследования», цель

которой — перевод, трансляция влиятельных западных теорий. Эти биеннале с регулярностью инициирует Сергей Валерьевич Соколовский (ИЭА), но, увы, их влияние не распространяется дальше группки сочувствующих, и приходится констатировать, что никакой революции — постмодернистской, постнациональной, гибридной — в российской науке так и не прогремело.

Однозначно «негативное впечатление» вызвало отсутствие на Конгрессе специальной кавказоведческой секции. Нет ничего оригинального в том, чтобы констатировать, что Кавказ — наименее проблемный регион. Именно отсюда исходят эти и другие вызовы — терроризм, миграционное давление, демодернизация. Тем не менее его изучение явно перестало быть приоритетным. К ситуации с российским кавказоведением подходит сказанное выше в отношении американистики. На мой взгляд, в число факторов, приведших к столь плачевному результату, надо внести характерную советскую, но постепенно возрождающуюся отрицательную селекцию: исследователи, не защищенные как от вмешательств власти, так и от угроз религиозных экстремистов и национал-радикалов «снизу», стараются за версту обходить наиболее «острые» темы! В этом смысле интересно посмотреть, что изменится и изменится ли на XIII Конгрессе, местом для которого выбрана Махачкала.

4

Возникали ли ситуации принципиального неприятия или непонимания другой научной позиции? Дважды. Первый раз после доклада Дуайта Рида (UCLA), настолько «другого» стилистически, содержательно, концептуально, что вновь высветились все «русские» особенности письма, от которых никуда не деться. Позже был еще сигнал, что под формальным делением на секции и симпозиумы работают реальные сетевые связи, построенные совсем на других, «ненаучных» началах: очень разные слушатели сошлись на секции № 15 (под моим руководством) с названием, случайно напоминавшим мероприятия EAWARN, — ««Антропология спасения» и проблема исчезновения малочисленных народов». Не было среди них лишь самих EAWARN'овцев, каким-то неведомым образом почувствовавших различие.

5

Держать, как сейчас, Ассоциацию антропологов и этнологов России просто за приложение к Институту этнологии и антропологии значит не воспользоваться даже малым шансом на профессиональное выживание. В лихолетье реформ, когда идет укрупнение, в академии — институты, а в университетах — кафедр (в КубГУ кафедру археологии и этнографии уже «оптимизировали»), защиты можно ждать только от профессионального сообщества, авторитетного и самоуправляющегося, хотя бы частично. Энтузиазм, вспыхнувший было в Екатерин-

бурге, видно, уже начал гаснуть после того, как уважаемый Андрей Владимирович Головнёв занял место директора МАЭ. Как еще объяснить, что так ничего и не произошло?

В обновленную Ассоциацию должны войти не бумажные, а реальные комитеты и комиссии, субдисциплинарные и региональные общества, ассоциации поменьше — антропологии физической, арктической, Кавказа, семиотики, этнической идентичности, урало-алтайских и тюркских исследований, фольклорная, женская, петербургская, против расизма и ксенофобии, по полевой работе и этике, т.е. отражающие в совокупности текущее состояние антропологической науки в России, а не выдуманные в каком-нибудь секретариате. Возможно, даже у Ассоциации должен быть свой отдельный журнал, а не «Этнографическое обозрение», слишком отягощенное скопусовской меритократией и прочими обязательствами.

ЕЛЕНА МАЛАЯ

2 Это был мой первый Конгресс, однако я слышала о КАЭР задолго до этого. Сразу стоит сказать, что я пропустила и церемонию открытия, и весь первый день работы секций, т.к. вместе с несколькими коллегами ехала на Конгресс прямо из экспедиции, с большим рюкзаком и заполненным диктофоном.

Я должна была выступать в двух секциях — № 29 «Дискурс травмы в медиа. Нарративы страдания, жалобы и осуждения» и № 43 «Образы территорий: “переживания” пространства», но на «травму» я не успела из-за того, что мы поздно приехали на Конгресс. Так что в роли докладчика я смогла выступить только один раз.

Помимо «своей» секции по пространству я посетила еще две: секцию № 9 «Междисциплинарные методы исследования этнических взаимодействий: фольклор и мифология» и № 15 «“Антропология спасения” и проблема исчезновения малых народов».

1 Первое, о чем надо сказать: уровень секций Конгресса показался мне очень разным. Вопросы, которые звучали на секциях по

Елена Константиновна Малая
Российская академия
народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте РФ,
Москва, Россия
lenmamalen@gmail.com

междисциплинарным методам, к сожалению, не могли быть подняты на секции по пространству. Во время экскурсий, любезно организованных Оргкомитетом, я обсудила свой опыт с коллегами, участвовавшими в других секциях (или организовавшими другие секции), и поняла, что порой те проблемы, с которыми столкнулась я, были далеки для других конгрессменов. Я поделилась этим наблюдением со знакомой исследовательницей, и ее ответ мне кажется важным привести здесь: «Так ты что, выбирала секцию по теме? Наивная! Надо было выбирать исключительно по руководителю, это определяет всё: и методологию, и уровень. Здесь ведь всё очень позорному».

2

3

4

Я действительно выбирала секцию «по теме» и отправилась на ««Переживания» пространства» с докладом о возможных источниках мифологических текстов об одушевленном городе (этот материал я исследовала в рамках магистерской диссертации и сейчас продолжаю иногда разрабатывать эту тему).

Наша секция была, кажется, самой многочисленной на Конгрессе: к участию было приглашено 79 человек, в связи с чем рекомендуемая продолжительность выступления была 8–10 минут. Предметное поле секции, соответственно, было очень широким: за один день работы здесь звучали доклады и о «звучащем ландшафте» в обрядовых песнях, и о реконструкции облика древнеизраильских сакральных построек, и о заселении малых городов Поволжья в XVII в. Концептуального разнообразия при этом не наблюдалось, а редкие случаи столкновения исследовательских парадигм только подчеркивали единство методологии большинства докладчиков. Я убедилась в этом на примере собственного доклада, который вызвал довольно однозначную методологическую критику. Не берусь комментировать качество своего выступления, однако хотела бы описать разницу методологических оснований, которую оно обнажило.

Собранные мной истории о том, как «город водит», «показывает тайные места», «слышит просьбы людей», я классифицировала как тексты городского фольклора, распространенные в определенной среде людей, переживающих город через призму мистического опыта. Аудитория с такой трактовкой категорически не согласилась: слушатели практически единодушно осудили такое смелое оперирование термином «фольклор», т.к. тексты, которые я изучаю, «существуют слишком короткий срок». Это меня удивило: я следую традиции К.В. Чистова и С.Ю. Неклюдова, определявших фольклор на основании способа передачи текстов (в результате контактной коммуникации) [Неклюдов 2002а; Чистов 2005]. Следуя этому принципу, современная фольклористика работает с городскими

легендами, садистскими стишками, мемами нетлора и другими часто недолговечными текстами [Белоусов 1998; Russell 2011; Каргин, Костина 2009; Алексеевский 2010]. Я ответила своим оппонентам, что возраст текста вряд ли может быть критерием для определения какого-то явления как фольклорного или нефольклорного в условиях признания наукой существования постфольклорной парадигмы [Неклюдов 2002б; 2003] и жанров городского фольклора, например городской легенды [Brunvand 1981; Белоусов и др. 2003]. К сожалению, дискуссия вышла за рамки конструктивной, мне указали на мой возраст (существенно более юный, чем у большей части аудитории) и посоветовали уважать авторитеты.

Были и другие случаи методологического непонимания. Например, одна из докладчиц в нашей секции рассказывала о позитивной репрезентации татарско-русских отношений в официальном дискурсе Республики Татарстан. Вопрос к докладчице, исходивший от меня и очень небольшой группы коллег (разделявших мою исследовательскую парадигму), касался распространения исследуемого дискурса вне официальных СМИ и его проникновения в низовые дискурсивные среды. Докладчица попросила пояснить, что мы имеем в виду под неофициальными или низовыми дискурсами и почему подразумеваем их возможное несовпадение с центральным. После нашего объяснения она ответила, что понимает, к чему мы клоним, и что националистическая и тем более неонацистская риторика в регионе отсутствует, а если и присутствует, то очень незначительно. Наши уточнения о том, что мы имели в виду тексты сколь угодно разных *не властных* сообществ (студентов, врачей, представителей малого бизнеса и т.д.), а вовсе не экстремальных националистических групп, не помогли — нас приняли за провокаторов. Точку в дискуссии поставило утверждение о том, что все «низовые» риторики повторяют и пытаются официальный дискурс, который оказывается прямым отражением народных взглядов. Значительная часть аудитории (по крайней мере, высказывавшая свое мнение) стояла на позиции докладчицы и осудила «провокацию». Я упоминаю об этом не ради описания коммуникативной неудачи — мне кажется значимым существование этого «слепого пятна», благодаря которому официальная риторика мыслится прямой репрезентацией межэтнических отношений в регионе, а низовым дискурсам отказывают в существовании.

Этот же доклад вызвал отклик другого рода, о котором мне кажется важным написать. К сожалению, руководители нашей секции не контролировали вопросы и комментарии, поступающие из аудитории, и никак не управляли ходом дискуссии. Возможно, поэтому оказалась возможна следующая ситуация.

После описанного обсуждения доклад прокомментировал участник секции, которому работа докладчицы настолько понравилась, что он начал хвалить ее как женщину (красавицу и умницу) и несколько раз назвал «солнышком». К моему ужасу, это переключение коммуникативных регистров никого не смутило. Более того, наименование «солнышко» закрепилось в речи комментатора, и при оценке других докладов он ссылаясь на выступление понравившейся ему исследовательницы так: «Солнышко об этом говорила». Другие докладчицы тоже попадали в сферу его гендерного внимания: во время обсуждения моего доклада мне пришлось несколько раз повторить, что я не хотела бы, чтобы меня называли «Леночкой» и «девочкой» в академическом пространстве. Увы, каждый раз мои слова вызвали веселое недоумение (и не только со стороны комментатора).

На секции «Антропология спасения», куда я зашла увидеться с коллегой, было ненамного лучше: доклад, на который я попала, длился около 40 минут и по большей части был посвящен рассказу о конференции, проведенной в прошлом году в некоем университете. Исследовательская ценность подобных выступлений мне кажется сомнительной. Если я правильно поняла грустившего в зале коллегу, этот доклад не был исключением и иллюстрировал нормальное положение вещей, чего я, впрочем, не могу утверждать с полной уверенностью, т.к. спустя 40 минут сбежала из аудитории.

Секция по междисциплинарным методам исследования этнических взаимодействий произвела на меня более светлое впечатление. Мне запомнились доклады Н.Г. Комелиной, Е.Е. Левкиевской, совместный доклад А.Ю. Охотникова и Д.И. Ваймана. Выступление А.С. Архиповой и А.А. Кирзюк вызвало вопрос относительно использования концепции остенсии Линды Дег [Dégh, Vázsonyi 1983]. Иными словами, на этой секции я встретила привычный мне круг цитируемой литературы, методологических установок и исследовательских вопросов, которые можно было конструктивно обсуждать. Стоит отметить, что эйджистских и сексистских комментариев на ней, конечно, не звучало.

Подводя итог, хочу отметить, что мой в основном неудачный опыт ни в коем случае не может быть экстраполирован на весь Конгресс. Очевидно, он касается точек моей личной траектории движения по секциям. Видимо, мне просто не очень повезло, и к тому же мои знакомые говорили о действительно сильных и интересных выступлениях на секциях «Технологии и телесность», «Визуальная антропология», на двух секциях, посвященных политической антропологии, и др. Также я не

хотела бы, чтобы мои слова читались как упрек организаторам секции по пространству: этика общения на конференции зависит в первую очередь от ее участников, и я склонна согласиться с коллегой из Екатеринбурга, тоже присутствовавшей на «“Переживании” пространства», что, возможно, единственное, что помешало исключить возможность некорректных комментариев к докладам, — чересчур доброе расположение наших ведущих ко всем выступавшим. Что же касается методологических установок большей части участников секции, то они, как мне кажется, объясняются их еще советским прочтением фольклора как «устного народного творчества», предшествующего письменной литературе и неразрывно связанного с идеей былинной древности. К сожалению, это представление, подпитываемое обыденным дискурсом, еще долго будет искажать взгляд исследователей на фольклорный материал.

1

В заключение я хотела бы поблагодарить организаторов Конгресса за возможность попасть на мероприятие с настолько широким кругом участников (представителей разных дисциплинарных полей, научных школ и просто разных городов). Кроме того, благодаря этой поездке мне выдалась возможность посмотреть Ижевск и его окрестности, например, очень хорошее впечатление на меня произвела автобусная экскурсия в Сарапул, устроенная организаторами КАЭР. Последний небольшой, но приятный штрих к портрету Конгресса добавил бесплатный вход во все музеи Ижевска при предъявлении бейджа участника КАЭР.

1

5

В качестве пожелания скажу, что очень хотелось бы видеть состав секций более сбалансированным, а сам Конгресс в целом — определившимся с методологической рамкой. Пока же он кажется мне зеркалом, довольно точно отражающим особенности отечественной антропологии: где-то — антропологии, где-то — этнографии, где-то — этнографии поневоле (из-за незнакомства с идеей антропологии), и столичной, и региональной, и даже «туземной». На Конгрессе, как и, кажется, в российском академическом пространстве, позитивизм и эссенциализм не полемизируют с релятивизмом и конструкционизмом, они просто сосуществуют — параллельно, на разных секциях, в соседних аудиториях — и собирают своих адептов. В этой ситуации, как мне верно сказала уже процитированная выше коллега, действительно нужно правильно понять, в какой лагерь ты попал, «на кого подаешься», потому что эти среды, как вода и масло, не смешиваются и не имеют площадок для проговаривания своих методологических базисов. В результате ситуация столкновения разных лагерей оказывается болезненной и неплодотворной для всех.

Библиография

- Алексеевский М.Д.* Интернет в фольклоре или фольклор в Интернете (Современная фольклористика и виртуальная реальность) // Добровольская В.Е., Каргин А.С. (сост.). От конгресса к конгрессу. Навстречу Второму Всероссийскому конгрессу фольклористов: Сб. материалов. М.: Гос. республиканский центр русского фольклора, 2010. С. 151–166.
- Белоусов А.Ф.* «Садистские стишки» // Белоусов А.Ф. (сост.). Русский школьный фольклор: от «вызываний» Пиковой дамы до семейных рассказов. М.: Ладомир, 1998. С. 545–577.
- Белоусов А.Ф., Веселова И.С., Неклюдов С.Ю.* (ред.). Современный городской фольклор. М.: РГГУ, 2003. 726 с.
- Каргин А.С., Костина А.В.* Научное осмысление интернет-фольклора: актуальные проблемы и опыт исследования // Захаров А.В. (сост.), Каргин А.С. (отв. ред.). Интернет и фольклор: Сб. ст. М.: Гос. республиканский центр русского фольклора, 2009. С. 5–18.
- Неклюдов С.Ю.* Фольклор: типологический и коммуникативный аспекты // Традиционная культура. 2002а. № 3. С. 3–7. <<http://www.ruthenia.ru/folklore/neckludov67.htm>>.
- Неклюдов С.Ю.* От фольклора к «постфольклору» // Панченко А.А. Христовщина и скопчество. Фольклор и традиционная культура русских мистических сект. М.: ОГИ, 2002б. С. 5–7. (Фольклор и постфольклор: новые исследования).
- Неклюдов С.Ю.* Фольклор современного города // Белоусов А.Ф., Веселова И.С., Неклюдов С.Ю. (ред.). Современный городской фольклор. М.: Изд-во РГГУ, 2003. С. 5–24. <<http://www.ruthenia.ru/folklore/sovremennygorodkojfolklor.pdf>>.
- Чистов К.В.* Специфика фольклора в свете теории информации // Чистов К.В. Фольклор. Текст. Традиция. М.: ОГИ, 2005. С. 26–43.
- Brunvand J.H.* The Vanishing Hitchhiker: American Urban Legends and Their Meanings. N.Y.; L.: W.W. Norton & Company, 1981. XIV+208 p.
- Dégh L., Vázsonyi A.* Does the Word “Dog” Bite? Ostensive Action: A Means of Legend-Telling // Journal of Folklore Research. 1983. Vol. 20. No. 1. P. 5–34.
- Russell F.* Newslore: Contemporary Folklore on the Internet. Jackson, MS: University Press of Mississippi, 2011. IX+268 p.

ЛЮДМИЛА МИССОНОВА

Людмила Ивановна Миссонова
Институт этнологии
и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН,
Москва, Россия
missmila@iea.ras.ru

1

Нет сомнения в том, что в бурном общении множества специалистов — представителей как самых разных регионов нашей страны, так и зарубежного сообщества — вспыхивают порой очень яркие идеи. При инфор-

мационном изобилии XXI в. нет возможности уследить за множеством публикаций и вникнуть в тонкости позиций авторов, а подобные встречи на крупных форумах позволяют очно и оперативно обсуждать сразу очень много научных проблем. До сих пор письма коллег напоминают о наполненных идеями, встречами и событиями незабываемых днях Конгресса антропологов и этнологов в Ижевске.

5

Остановлюсь в основном на вопросах, которые волнуют наше научное сообщество много лет. Во всяком случае, эти вопросы поднимались еще во времена общесоюзных конференций в СССР и продолжают вставать в настоящее время. Довольно болезненным является вопрос о том, проводим ли мы конгрессы только для узкого круга специалистов из своего профессионального сообщества или мы должны щедро делиться итогами наших исследований с широкими массами профессионалов во всех смежных дисциплинах, в том числе с теми, кто не занимается научными исследованиями, но всей душой искренне болеет за свое жизненное дело и пытается творчески находить разные подходы. Этнография, этнология, антропология нужны лишь для создания разных теорий, которые интересны только научным сотрудникам? Или наша профессиональная задача состоит прежде всего в том, чтобы слышать и видеть проблемы окружающего нас общества и не пытаться держаться от него на расстоянии? Как показывают дискуссии на заседаниях наших конгрессов и в перерывах между ними, участники не находят общего ответа, а точнее, во все времена есть две полярные точки зрения на эту проблему. Согласно одной точке зрения, наука должна служить развитию самой науки, а согласно другой, она обязана служить обществу. Нет смысла искать какой-то оригинальный ответ на этот вопрос. Но разумно поделиться услышанным во время проведения обсуждаемого Конгресса.

Каждый день проведения Конгресса подходили журналисты из местных СМИ с расспросами о форуме в целом и о нашей секции. Однако при этом некоторые пришедшие на заседания нашей секции в качестве слушателей (жители Ижевска разных специальностей, жаждавшие услышать, что говорят профессионалы по обсуждаемым темам) и имевшие множество вопросов (часто практически значимых!), узнавали о расписании работы секций совершенно случайно. Иными словами, информация о Конгрессе в СМИ, видимо, была либо очень обобщенной, либо поверхностной. А уместны были бы конкретные ссылки на всю программу наших заседаний. «Раскрутка в сетях» была бы очень желательна, т.к. все обсуждаемые темы востребованы обществом. Такое крупное научное мероприятие — это разовое событие для республики. Молодое поколение получает основ-

ную информацию о событиях именно через многочисленные «сети» интернета. Это необходимо учитывать. Нужно не замыкаться в рамках узкого круга научного сообщества, привлекать всех тех, кто сталкивается с проблемами на практике и жаждет творческого общения с научным сообществом, прежде всего музейные сотрудники и историки, которые работают в разных сферах. Но не только специалистам исторического профиля интересны обсуждаемые на Конгрессе темы, не нужно забывать и о представителях множества смежных специальностей.

2

Вопрос об уместности и разумности проведения в рамках КАЭР крупной секции, которая сама по себе могла бы претендовать на статус отдельной конференции, является дискуссионным. Явный минус в том, что у руководителей такой секции нет возможности побывать на заседаниях иных секций (что не воспрещалось, естественно, всем участникам секции). При объявлении темы секции руководители всегда стремятся выявить такую проблематику, которая вызовет интерес коллег и привлечет круг специалистов, с чьей помощью удастся организовать интересную творческую работу во время заседаний. Естественно, нет возможности заранее узнать, насколько широким будет отклик коллег. Так возникает ситуация, при которой интерес к теме проявляет большое число специалистов разных междисциплинарных направлений. Разумно ли лишать сообщество многообразного и многостороннего обсуждения?.. Мы посчитали это неэтичным...

На нашу секцию № 43 «Образы территорий: “переживания” пространства» (руководители Л.И. Миссонова, Москва, Е.Н. Романова, Якутск) было принято 102 заявки (не считая отклоненных сразу) от 106 авторов, представляющих различные академические и образовательные институты и университеты, музеи и иные научно-исследовательские учреждения России (из 32 городов: Абакана, Апатитов, Архангельска, Астрахани, Боровска, Владивостока, Вологды, Дмитрова, Екатеринбурга, Ижевска, Казани, Кирова, Махачкалы, Москвы, Назрани, Николаевска-на-Амуре, Новосибирска, Омска, Перми, Ростова-на-Дону, Санкт-Петербурга, Саранска, Симферополя, Смоленска, Ставрополя, Сыктывкара, Улан-Удэ, Уфы, Хабаровска, Ханты-Мансийска, Элисты, Якутска), а также Азербайджана, Бельгии, Грузии, Казахстана, Туркменистана, Эстонии и Японии. Участники секции представляют профессиональные сообщества этнологов, социальных антропологов, археологов, историков, социологов, искусствоведов, филологов, философов, музыковедов, культурологов...

Руководители предприняли попытку разделить участников на две подсекции для возможного проведения параллельных

заседаний. Однако на первом же этапе обсуждения «деление» оказалось абсолютно абсурдным, т.к. у всех участников были приоритетные интересы к разным докладам коллег. Кроме того, оказалось очень трудно учесть желание каждого участника в отношении того, какую подтему избрать внутри одной секции, поэтому оставался единственный путь — слушать доклады коллег в едином пространстве объявленной секции. В результате представленные тезисы докладов позволили нам организовать научные дискуссии в междисциплинарном и региональном ракурсах по следующим подтемам:

- Территория, культура, сопостранственность;
- Места памяти и территория;
- Сакральные пространства;
- Ландшафтные коды территорий: символы, образы, звуки;
- «Переживания» пространства: антропология путешествий и геопоэтика ландшафта;
- Образы территорий и конструирование идентичности в этнополитическом дискурсе;
- Современные репрезентации территорий: антропогенный ландшафт и социокультурные пространства.

Процесс подготовки работы нашей секции был творческим, насыщенным живыми обсуждениями в течение многих месяцев. Такой же разносторонне яркой, однозначно не равнодушной и вызывающей интерес (не только у наших участников, но и у гостей из других секций) оказалась работа секции непосредственно в стенах университета в Ижевске. В разные дни *de facto* в работе секции приняли участие 46 приславших заявки авторов. В ежедневных заседаниях, обсуждениях и дискуссиях участвовало около полусотни специалистов различных смежных научных дисциплин. В дни работы Конгресса и после него мы получили и продолжаем получать множество положительных отзывов.

Не будет преувеличением сказать, что ни один доклад не остался без разностороннего обсуждения. Вопросы и естественно возникающие сопутствующие комментарии сопровождали выступления всех докладчиков (как специалистов с большим опытом, так и совсем молодых, только начинающих свое исследование). Образовалась активная атмосфера разнопоколенной большой научной «семьи».

И еще обращает на себя внимание один момент. После окончания заседания люди благодарили и благодарят за доброжелательность. Настолько жестким и жестоким стал мир, что

научное выступление иногда строится сразу не с подбора доказательств, а просто с позиций отражения атаки на докладчика. Далеко не всегда у выступающего есть уверенность в том, что его доклад будет понят (необязательно принят!). Какой же жестокой порой становится атмосфера обсуждения научных вопросов, направленных на обеспечение мира и согласия в нашем обществе! Различия научных позиций участников Конгресса естественным образом в некоторой степени определяются принадлежностью к разным школам, поколениям и дисциплинарным областям. Однако хочется отметить, что главная острота возникает тогда, когда участники дискуссии не имеют цели услышать друг друга, когда отчетливо видна потеря элементарной культуры научного общения. В такие моменты (слава Богу, на нашей секции это было мимолетно и только на первом заседании) хочется посоветовать пополнить систему всех уровней образования дисциплиной этикета проведения дискуссий и — шире — этикета общения, которому, безусловно, ранее придавалось огромное значение во всех культурах мира (кому, как не этнологам-антропологам, распространять культуру народного этикета?). Почему-то воспитание и обучение такому этикету ныне стало немодным...

1

5

В Ижевске случилась единственная досадная неожиданность. Отсутствие заключительного традиционного пленарного заседания представляется ошибкой (даже учитывая все объективные обстоятельства, которые, конечно, были). Многие выражали искреннее недоумение ситуацией как бы неуважения по отношению к коллективу участников, которые специально планировали свои дела и покупали билеты, учитывая необходимость остаться на такое заседание. Спонтанно создавались группы для общения и дискуссий по интересам... Последний день, безусловно, не пропал даром!..

Организаторы Конгресса многое сделали для того, чтобы состоялась богатая культурная программа, произошло знакомство со всеми достопримечательностями города и его окрестностями. Были созданы все условия для комфортного проведения заседаний. Постоянные холодные проливные дожди никак не омрачили солнечную жаркую атмосферу нашего творческого общения! Ижевск остался в памяти благожелательным! Огромное спасибо всем организаторам!

НАТАЛЬЯ МУХАМЕТШИНА

1

На Конгрессы Ассоциации приезжаю с 1999 г. По-разному выглядят детали, но остается атмосфера праздника, ощущение единения, научного поиска. Многих участников знаешь лично, кого-то просто встречаешь не впервые и поэтому тоже включаешь в «круг». Ижевский Конгресс сохранил эту атмосферу, может быть, добавив теплоты. Приятно удивил город, уютный, несмотря на бесконечный дождь. Очень впечатлил музей города. Интересна и неплохо организована была культурная программа.

2

5

Так как я была руководителем 33-й секции, то посетить получилось только секции симпозиума «Этнокультурные аспекты миграционных процессов» (№ 6). Отмечу высокий уровень докладов и дискуссий. Это, конечно, результат предварительного отбора заявок и работы с авторами. Предлагаю на будущее: работу симпозиума не разбивать по секциям (некоторые заседания накладывались по времени), а использовать формат сессий. Так было организовано на Конгрессе 2015 г. (Екатеринбург). Пожалуй, это общее мнение участников и руководителей секций, входивших в симпозиум № 6.

Наталья Семеновна Мухаметшина

Самарский государственный
технический университет,
Самара, Россия
nmukhametshina@mail.ru

АЛЕКСАНДР НОВИК

**XII Конгресс антропологов и этнологов
России: организационная тленка
и научная нетленка**

1

В июле 2017 г. состоялся очередной Конгресс антропологов и этнологов России, который собрал — уже традиционно — большое количество участников и продемонстрировал, также не в первый раз, как большой интерес в научном сообществе к нашей науке, так и очевидный кризис жанра подобного рода форумов. Сама идея собрать в одном месте специалистов, занимающихся изучением традиций народов

Александр Александрович Новик

Музей антропологии
и этнографии
им. Петра Великого
(Кунсткамера) РАН /
Санкт-Петербургский
государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия
njual@mail.ru

мира, фольклора, вопросов на стыке языка и культуры и прочим, замечательна, однако ее воплощение, к сожалению, зачастую превращает мероприятие в профанацию.

КАЭР почти за два десятка лет проведения должен был, по идее, выработать определенный стиль и механизмы работы, обрасти традициями и сложившимися фольклорными сюжетами (как бывает на такого рода мероприятиях, к примеру на SIEF). С КАЭР складывается не все так просто и стандартно. Научный форум в Ижевске продемонстрировал, что научное сообщество вполне легко может отказаться в организационном плане от сложившихся порядков и установленного регламента работы. С большим уважением мы все отнеслись к важности мероприятий в славной столице Москве, куда нужно было попасть руководству Ассоциации антропологов и этнологов (буду без имен — их все знают). Из-за столь неотложных дел лекция президента Ассоциации была передвинута в начало Конгресса. Вместе с лекцией передвинулся и масштабно организованный фуршет, цель которого — сплотить профессиональное сообщество, что, думается, на какое-то время удалось. Зато состоявшиеся буквально на следующий (или через, неважно) день выборы членов правления Ассоциации побили все рекорды. При том что планировался Конгресс в течение двух лет, а затем следовала постоянная чехарда с программой (при спускаемых «сверху» дедлайнах, обязательных к исполнению), общее собрание объявили неожиданно — в разгар работы секций, разослав всем SMS на мобильные телефоны. Конечно, оперативность штаба впечатляет — каждый участник был оповещен и приглашен. Только вот пресловутый «мобильный этикет» не позволяет держать включенной трубку во время научных докладов и дискуссий. Об этом как-то не подумали. Но, допустим, я, как руководитель секции, даже держал в руках все заседания мобильный телефон, как записную книжку, и все же я никак не успел бы доскакать из музея «Лудорвай»¹ до центра Ижевска. Разве что на вертолете бы успел, да и то растеряв по пути коллег по секции. Но на правила этикета я не жалею — хорошие правила! Те наши коллеги, кто случайно в переходах между секциями был застигнут вестью о накатившемся, как горная лавина, собрании, остались в большем недоумении и разочаровании, чем те, кто «срочную телеграмму» (терминология уже ушедшего XX в.) получил уже после «общего» собрания.

Ничего личного во мне не говорит: я два срока пробыл членом правления Ассоциации и по положению уже не могу туда

---

¹ Архитектурно-этнографический музей-заповедник «Лудорвай» находится в добром часе езды на автомобиле от основного места проведения заседаний КАЭР.

входить. Зато помню, что на действительно общих собраниях кандидатуры предлагали участники Конгресса, и за этих людей голосовали ученые. Кто-то проходил в правление, а кто-то не добирал голосов. Потом, во время очередного Конгресса (кажется, в Петрозаводске), списки избранных членов потеряли и долго не думали — вписали тех, кто на ум пришел. В Ижевске поступили еще мудрее: академик Валерий Александрович Тишков предложил список лиц, достойных уважения, — за них так списком и проголосовали. В действительности все попавшие в правление Ассоциации — ученые известные, хорошие, положительные, с доброй репутацией и чистым сердцем. Никто и не возражал. Вот только процедура как-то была подпорчена. И осадочек у народа остался — не понравилось народу такое обращение. Обсуждать потом вздумали в кулуарах: «Что это такое? Тысячу человек собрали — а сами разбежались! Под себя Конгресс сделали!» Это о неуважении к себе так судачили. Несознательные члены сообщества этнографов, антропологов (культурных, возможно, физических и прочих) и т.д.

2

Но это все *тленка* организационная была. А теперь о *нетленке* научной.

Впервые Конгресс позволил проводить одновременно такое количество секций и круглых столов. На подготовительном этапе была попытка сокращения числа рубрик и тематик за счет укрупнения тем — так поступали на предыдущих форумах (во многом такая внутренняя политика диктовалась финансовыми соображениями: чем меньше секций, тем меньшему числу руководителей нужно было выделять средства на проживание). В Ижевске устроители почти всем руководителям секций пошли навстречу и позволили проводить заседания так, как было задумано изначально. В таком подходе я вижу положительный сдвиг в организации: никаких искусственных слияний, продиктованных ненаучными причинами, целями и задачами, не было допущено. Однако такое дробное разделение по секциям приводило к почти полному отсутствию возможности узнать, что происходит на секциях, тематика которых очень близка тебе по интересам.

Мы с Еленой Геннадьевной Федоровой руководили секцией № 6 «Полевая этнография: традиционные методики и вызовы времени». Сама формулировка проблемы, касающейся разработки новой методики научной работы в поле в современных условиях, предполагает разрозненность тем, подходов, самой географии сбора материалов. Однако так сложилось за годы проведения Конгресса, что у нашей секции появился костяк участников, которым интересно поделиться своим опытом работы по сбору материалов, своими взглядами на задачи этно-

логической науки сегодня, результатами исследований. Выделю только два доклада, которые стали показательными. Желая сделать реверанс в сторону организаторов Конгресса в Ижевске, мы поставили первым в программе сообщение Дианы Александровны Антоновой (Национальный музей Удмуртской Республики им. Кузубая Герда) об изучении традиционных удмуртских танцев. Молодая исследовательница сделала доклад «Канонизированные формы танцевального фольклора удмуртов (по материалам полевых записей в Вавожском и Завьяловском районах Удмуртской Республики)», рассказав о своем опыте сбора хореографического материала столь увлеченно и демонстрируя такое знание темы, что смогла вызвать бурное обсуждение среди людей, совершенно далеких по своим интересам от региона, хореографии, музыки и т.д. Полемику вызвали подходы исследовательницы к танцу как к феномену культуры, языку тела, фольклорной истории, летописи народа. Вспоминая недавнюю дискуссию среди этнологов о науке «аборигенной» и «столичной» (упрощая: кто двигает научную мысль, а кто заполняет научный «эфир»), хочу отметить, что данная проблематика — язык танца в современной культуре — является очень модной на нынешних антропологических конгрессах (могу привести в пример CORPUS¹ в Тайбэе, Тайвань, в 2013 г.).

Другой доклад на традиционной для Конгрессов секции по полевой этнографии, вызвавший бурный интерес, был сделан Александром Юрьевичем Желтовым (МАЭ РАН), — «Петербургская экспедиция в Адамауа (Нигерия): антропологический аспект». Послушать коллегу пришли ученые из Москвы, Омска и других городов. В обсуждении подходов к изучению языков и культуры народов Западной Африки доминировал интерес не просто к экзотике (к удивлению, многие этнографы и лингвисты — не африканисты по профилю исследований — посещали «Черный континент»), а к методике работы в поле, где необходим проводник.

Мне удалось также послушать доклады на секции № 25 «Визуальная антропология» (руководители Евгений Васильевич Александров и Роман Андреевич Лихачев). У меня массу вопросов вызвал доклад Дины Фасыховны Гагиной-Шафиковой (Казань) «Визуализация идентичности: феномен рецепции татарского костюма (на примере фотографий в социальных сетях)». Автор во время доклада оперировала несуществующими

---

¹ Международная ассоциация CORPUS была создана в 2009 г. после серии научных конференций, организованных Высшей школой социальных наук (School for Advanced Studies in the Social Sciences — EHES, Paris) и Независимым университетом Мадрида (Autonomous University of Madrid).

терминами, вроде «мусульманский европейский костюм» и др. После выступления была дискуссия, в ходе которой стало совершенно очевидно, что многие исследователи вообще не придают значения устоявшейся терминологии, определенным правилам научной классификации и т.д.¹

5

Возможно, главная проблема Конгрессов антропологов и этнологов России в том, что почти каждый руководитель заявленной секции принимает практически каждый присланный доклад. Могу покаяться сам: какого бы уровня ни был присланный текст, стараюсь никому не отказать — подчищаю шероховатости, многим меняю формулировки, за некоторых просто переписываю или даже дописываю целые абзацы. Почему-то кажется, что чем больше прислано на секцию заявок, тем актуальнее твоя тема, тем с большим вниманием к тебе отнесутся коллеги, поднимешь свой статус в глазах окружающих. В итоге в кулуарах практически все руководители секций говорят одно и то же: мол, уровень докладов был очень разным, было много откровенно слабых текстов, но отказывать не принято, приняли всех! А кто нас вынуждал, коллеги?

Нельзя заканчивать текст вопросительным знаком. Поэтому хочу завершить рассуждения о прошедшем Конгрессе следующим замечанием. Чтобы КАЭР стали настоящими площадками научных дискуссий и запоминались обсуждаемыми темами, а не промахами руководства, всем нам нужно подходить к данным форумам ответственно и спрашивать с себя, а потом требовать от других.

Библиография

Novik A., Sobolev A. The Traditional Wedding Costume of the Mrkovići in Montenegro: Between Real Heritage and Folk Construction (Materials of the Russian Expeditions in 2012–2014) // Folklore. Electronic Journal of Folklore. 2016. Vol. 66. <https://www.folklore.ee/folklore/vol66/novik_sobolev.pdf>.

АЛЕКСЕЙ НОВОЖИЛОВ

**Алексей Геннадьевич
Новожилов**

Санкт-Петербургский
государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия
novogilov@mail.ru

1

Полагаю, выскажу очевидную мысль о скомканности программы второй половины Конгресса, поэтому останавливаться на этом не буду. В сравнении с предыдущим XI Конгрессом в Екатеринбурге нынешний

¹ См., к примеру: [Novik, Sobolev 2016].

XII Конгресс в Ижевске явно проиграл из-за отсутствия единой площадки для общения его участников. В 2015 г. таковым был фестиваль антропологических фильмов, проводившийся параллельно. Он обеспечил возможность постоянного контакта участников Конгресса. В территориальном плане «клубом» стал концертный комплекс «Урал», активизировавший свою обширную инфраструктуру в течение всего времени пленарных и секционных заседаний.

Возможно, параллельное функционирование Конгресса и фестиваля сказалось негативно на последнем, но уж точно не на Конгрессе, которому фестиваль обеспечил и культурную программу, и площадку для общения, и пропаганду визуальной антропологии.

В Ижевске в плане культурной программы доминировала экскурсионная версия свободного времяпрепровождения. Само по себе это хорошее решение проблемы консолидации участников научного слета, тем более что экскурсии были предложены разнообразные, содержательные и удобные по времени. Однако эта версия проигрывает идее клуба, где каждый может встретиться с каждым, назначить встречу тет-а-тет или организовать спонтанный круглый стол, а не зависеть от контингента данной экскурсии.

В целом следует отметить и позитивные итоги мероприятия. На положительные впечатления от Конгресса повлияли встречи с многочисленными коллегами, хорошая организация работы секций и уже отмеченная экскурсионная программа. Впрочем, это и является целью любых конференций и средством их проведения.

2

Я посетил секции «Этнологическое и антропологическое образование», «Миграции и общественные стереотипы», «Этноконфессиональное “поле”: возможности и риск(и) кросс-культурных диалогов».

Секция, посвященная образованию, запомнилась заинтересованностью подавляющего большинства участников. Диалог возникал практически после каждого доклада, что объясняется подлинной актуальностью поднимаемых вопросов, давлением на преподавательский корпус бесконечной переменчивости высшей школы, осознанием общности стоящих перед корпусом преподавателей антропологии и этнографии проблем. Конфессиональная секция обратила на себя внимание стройностью концепции заседаний. Такой результат объясняется наличием давно сформировавшегося научного костяка, преемственностью тематики и четкостью формулировки проблем, обсуждавшихся в ходе работы. В докладах секции, посвящен-

ной проблеме миграции, показалось чересчур расширительным понимание антропологии и этнографии.

3

Поскольку мое внимание было сконцентрировано на секции «Этнологическое и антропологическое образование», то о докладах и обсуждениях, состоявшихся в ее рамках, и имеет смысл сказать подробнее. Несмотря на очевидные расхождения в понимании содержания антропологического / этнографического образования у представителей разных университетов, были сформулированы проблемы, которые встают перед всеми вузами, ведущими преподавание в данной сфере. К ним следует отнести, во-первых, осознание общности интересов всех профильных образовательных учреждений, объединяемых не столько ориентацией на научные и педагогические образцы, сколько общностью предметного поля. Такое понимание позволяет выявить корпоративные интересы и разграничить их с интересами представителей смежных дисциплин — историков, философов, физкультурников. Но что особенно важно, оно позволяет в современных условиях выработать обобщенную позицию по формированию и соблюдению нормативных документов Министерства образования РФ. Учитывая, что подобная работа уже проводилась в рамках сотрудничества группы вузов — МГУ, РГГУ, ОмГУ, СПбГУ, следует признать, что расширение круга участников процесса является позитивным результатом.

Во-вторых, была выработана перспективная идея и оговорены материальные и организационные возможности проведения студенческой конференции (с перспективой периодичности) для студентов университетов, ведущих образовательную деятельность в рамках предметного поля антропологии / этнографии.

В-третьих, был поставлен вопрос о формировании корпуса учебных пособий: учебников, курсов лекций, методических указаний и хрестоматий — и предложены первые шаги в этом направлении. Помимо планов создания новых учебно-методических комплексов, предложено разработать систему обмена уже существующими, принято решение о возможном создании специализированного сайта на базе секции антропологического и этнологического образования Ассоциации антропологов и этнологов России.

Сегодня трудно сказать, насколько эта программа выполнима. Но само по себе целеположение уже является прогрессом, и даже фрагментарные дела в этом направлении пойдут только на пользу.

4

Даже если возникали подобные ситуации, это следует отнести к положительным результатам проведения столь масштабного

Конгресса. Системы взглядов, социальной мотивировки и способы обоснования своей научной позиции, вырабатывающиеся в рамках определенных школ или принятые у разных поколений, сегодня, на мой взгляд, благополучно уживаются в нашей науке. Даже не очень благожелательная, но сдержанная критика идет всем только на пользу. Ситуаций непримиримого неконструктивного конфликта мне не привелось увидеть, откровенной профанации тоже.

5

Как уже отмечалось в ответе на первый вопрос, главная проблема заключалась в отсутствии единой площадки для общения за пределами пленарных и секционных заседаний. При территориальной разбросанности секций возникали проблемы с общением, казалось бы, очевидно необходимым на столь многолюдном форуме. Главное пожелание для последующих Конгрессов — создание постоянно действующей на протяжении всех заседаний площадки для коллективного общения, желательно выполняющей и другие функции: просмотр фильмов, презентаций или что-то еще, что может выступать интересным фоном.

ЛЮДМИЛА ШЕРСТОВА

Впечатления о работе XII Конгресса антропологов и этнологов России и не только...

1

Научная жизнь представителей моего поколения, начавшаяся в рамках отечественной этнографии советского периода, пришлось на время не только серьезных перемен и трансформации представлений о месте и роли этнографии (этнологии) в российской науке, но и отрицания, особенно в 1990-е гг., ее достижений, скептического отношения к теории этноса и в целом к научным достижениям не только советского, но и досоветского периодов. Сегодняшние студенты чаще могут назвать М. Элиаде как исследователя шаманизма, не вспоминая имен В.Г. Богораза, Л.Я. Штернберга, С.А. Токарева. Положение С.М. Широкого об осознании отличия и противопоставлении одной этнической группы другой, по сути, ставшее основой всех теорий групп, а также оппозиция «мы — они»,

Людмила Ивановна Шерстова
Национальный
исследовательский Томский
государственный университет,
Томск, Россия
sherstova58@mail.ru

сформулированная Ф. Бартом, им фактически неизвестны. Зато идея «конструирования» этносов настолько укоренилась в сознании, что традиционные для отечественной науки темы изучения этнических процессов и признание объективности существования этносов стали признаком «научной отсталости» и непонимания развития научного познания (как будто возможен только один «правильный» путь). Этническое сознание, считавшееся основным признаком этноса, результатом его развития, которое всегда выявлялось «в поле» в результате его определения самими людьми — представителями данного этноса, стали противопоставлять этнической идентичности как более «научной». И никого не смущала одна деталь: то, что признаки, по которым выделялся этнос в отечественной науке, подозрительно совпадают с «маркерами» границ, которые определяли представители этнических групп в исследованиях уже антропологов.

Поэтому когда стали проходить Конгрессы, возникла иллюзия того, что наконец-то будут серьезные научные дискуссии, будут представлены разные точки зрения, наконец-то станет возможным разговор о традициях отечественной этнографии и о ее дальнейшем развитии с учетом зарубежных подходов и концепций. Однако этого не произошло, этнография (этнология) стала восприниматься как проявление нашей научной «отсталости», т.к. на Западе ее уже сменила антропология. Отрицая эволюционизм, К. Леви-Строс создал свою концепцию отношения близких наук как единого процесса познания, в котором «этнография» — начальный, описательный этап, этнология — это анализ материала, выделение специфики народов, и, наконец, антропология — синтез, т.е. результат понимания общего. В результате антропология оказалась «вершиной» наук о человеке. Но и в понимании Леви-Строса возможность синтеза базировалась на всеобъемлющем изучении этносов.

Стоит обратить внимание на то, что во второй половине XX в., после крушения колониальных империй, этнографическое поле западных ученых существенно сузилось, большинство стран Западной Европы были моноэтничны, и, конечно, этнография и этнология даже как этапы одной науки перестали быть актуальными. И тогда западная наука сосредоточилась на изучении «других», выделяемых по разным критериям, социальных групп, причем их этническая принадлежность постепенно уходила на второй план. Вспомнилось едкое замечание С.А. Токарева о том, что во Франции этнографии не было уже в 1970–1980-е гг.

Так началось размывание предмета нашей науки, хотя по-прежнему его название официально сохранялось в наименова-

нии учебных курсов — «этнология», в «модернизированной» программе подготовки аспирантов — «этнография, этнология, антропология». Междисциплинарные исследования подменились притоком социологов, философов, психологов, и это понятно — предмет-то исследования размыт: в рамках социальной антропологии изучаются профессиональные, маргинальные, гендерные и другие группы, этническая специфика которых необязательно является основным признаком их выделения, да и не всегда учитывается.

В результате возникла парадоксальная ситуация. В отечественной научной традиции этнология — это историческая дисциплина, и она доказала право на свое существование, решив многие проблемы с позиции историзма — фактически решив вопрос об этногенезе народов бывшего СССР, показав их этническое развитие, выделила ХКТ и ИЭО и т.д. Было доказано, что существуют внутренние «эндогенные процессы», присущие только этническим группам, которые трансформируют их изнутри и которые можно замедлить, перенаправить, но отменить невозможно. Этнос — историческая реальность, и пока он существует (вернее, пока сохраняется этническое сознание), он постоянно адаптируется к иным не только природным, но и социальным, экономическим, политическим условиям, т.е. продолжается его развитие и он остается предметом этнологического изучения.

Антропология (социальная антропология) в большей степени связана с социологией, политологией, ее в меньшей степени интересует прошлое народов, даже если ее представители занимаются изучением этнических групп — ведь все можно «сконструировать», значит, нет каких-либо закономерностей, все «продукт» нашей воли и сознания. При этом забывается, что, прежде чем определить границы союзных и автономных образований, составить список народов СССР, начиная с 1920-х гг. по всей стране работали многочисленные этнографические экспедиции, изучавшие «племенной состав» населения. И даже если потом «национальности» были «сконструированы», то только потому, что в основе этого процесса были не только этнографические материалы, но и политические мотивы.

Однако государственный (политический) фактор всегда присутствовал как один из экзогенных, он мог трансформировать развитие этноса, но если этническое сознание народа было сформировано, то при благоприятных условиях этнос мог восстановить свою даже утраченную государственность (примерами могут служить евреи, китайцы, армяне). Конечно, государство может выступить мощной силой формирования моноэтничности своего населения, но это не обходится без явного

или скрытого насилия. Лозунг Французской революции, повторенный в Испании Франко: «Один народ, один язык, одно государство», — был направлен на формирование моноэтничности, стирая культурные особенности отдельных этнических групп, следствием чего стало наложение категории «нация» (в значении «граждане одной страны») на «этнос» (в значении «люди одной культуры»).

Но этап существования однопациональных государств в условиях действия Всеобщей декларации прав человека, определяющей свободный выбор человеком страны своего проживания, и особенно в условиях глобализации уже прошел. Вследствие чего страны Западной Европы, учитывая переселение из бывших колоний во второй половине XX в., когда им необходимы были рабочие руки, конфликты на Ближнем Востоке и в Северной Африке, уже перестают быть моноэтничными. В современном мире моноэтничность государства скорее исключение, чем правило.

Из этого следует, что арабы, прибывшие во Францию во второй половине XX в. из Туниса, Марокко, Алжира, уже не тунисские, марокканские или алжирские арабы. Они — новая этническая общность «французские арабы», у третьего поколения которой формируется представление об общности происхождения, и отсюда стремление «выделиться», противопоставить себя другим этническим группам, в том числе этническим французам. Аналогичные процессы формирования «новых европейских общностей» идут в Германии, Нидерландах, Англии и т.д., а если к этому добавить, что противопоставление базируется и на разности религий, то думается, что «реабилитация» этнологии в европейских странах ускорится.

В отечественной науке не возникало такой проблемы, как исчезновение «поля», а значит, и предмета изучения, т.е. этноса, учитывая полиэтничность населения. Поэтому отечественная этнология, несмотря на политизацию (а это явление присутствует во всех общественных и гуманитарных науках во всем мире), оставалась актуальной.

На XII Конгрессе вновь много говорили об антропологии, о наличии четырех направлений исследований, в названиях ни одного из которых слова «этнология» и тем более «этнография» не фигурировали. Безусловно, отечественная наука должна дополняться новыми направлениями, но это не значит, что прежние потеряли актуальность. Сейчас так много пишут о «национальном возрождении», при этом чаще фиксируют то, что на поверхности: народные праздники, фольклорные ансамбли, народные промыслы и т.д. На самом деле идет адаптация народов к современным рыночным отношениям, в которых

главное — найти покупателя. Это коммерческая, «экзотическая» культура: нужны шаманы — и они появились даже там, где их не было, а шаманами стали люди, получившие образование в советских вузах. По сути эта «внешняя культура» — своеобразная форма архаизации общества, как и «возвращение» к собирательству, охоте и рыболовству, т.е. к традиционным занятиям. Это было проявлением архаизации экономики, потому что давало возможность выжить в рыночных условиях. И еще не совсем понятно, какими последствиями это обернется для развития традиционной культуры и общества в целом. Однако этническая культура сохраняется и развивается, ее не выносят «на показ», она «обслуживает» свою этническую общность и поэтому закрыта для коммерции и от «других».

2

1

Работа секции № 54 «Историко-культурный ландшафт Евразии: этносы и образы» прошла без особых проблем, т.к. из заявленных 36 докладов прозвучало только 7. Несмотря на то что в секции работали представители разных научных направлений, сомнений в том, что Евразия представляет собой особый этнокультурный ареал, ни у кого не было. Думаю, что выступления и обсуждения проходили конструктивно, а учитывая разнообразие тематики докладов, какого-либо недопонимания не возникало. Скорее наоборот, разнообразие взглядов подкрепляло понимание необходимости дальнейшей работы по изучению этнокультурного разнообразия Евразии, частью которой является Россия. Кажется, что не удалось заключительное пленарное заседание, что было связано с объективными обстоятельствами.

5

Думается, что менять формат Конгресса не следует, т.к., несмотря на, как правило, большое количество заявок, в силу недостаточных финансовых возможностей не все могут сделать свой доклад, но публикация даже небольших тезисов дает представление о результатах работы исследователей разных направлений. Проведение Конгресса в различных регионах России, безусловно, можно приветствовать. И хотя у меня существуют определенные опасения относительно размытости предмета исследования и разных подходов исследователей (о чем писалось выше), думаю, это не препятствие для совместной работы этнологов и антропологов. Схема К. Леви-Строса, безусловно, отвечает и основным общенаучным методам. Работу Ассоциации сдерживает отсутствие официального статуса организации, что проявилось и в работе Конгресса, но эти задачи решаемы. Нужен лидер, который смог бы объединить как на официальном, так и на неофициальном уровне этнологов и антропологов, который, принимая новые парадигмы исследований, уважал бы и достижения отечественной этнологической науки.

Survey:

The 12th Congress of Anthropologists and Ethnologists of Russia

This publication presents the results of the survey carried out by *Antropologicheskij forum* among the participants of the 12th Congress of Anthropologists and Ethnologists of Russia, which took place on 3rd–6th July 2017 in Izhevsk, Udmurtia, Russia. They were invited to share the impressions of the recent Congress and offer suggestions on the organisation of future meetings. The full texts of the responses are accompanied by a summarizing comment by the survey organizers.

Keywords: 12th Congress of Anthropologists and Ethnologists of Russia, Association of Anthropologists and Ethnologists of Russia, current state of anthropology and ethnography.

References

- Alekseevsky M. D., ‘Internet v folklore ili folklor v Internete (Sovremennaya folkloristika i virtualnaya realnost’) [The Internet in Folklore or Folklore on the Internet (Contemporary Folklore Studies and Virtual Reality)], Dobrovolskaya V. E., Kargin A. S. (comps.), *Ot kongressa k kongressu. Navstrechu Vtoromu Vserossiyskomu kongressu folkloristov* [From Congress to Congress. Towards the 2nd All-Russian Congress of Folklorists]: A collection of materials. Moscow: Gos. respublikanskiy tsentr russkogo folklor, 2010, pp. 151–166. (In Russian).
- Belousov A. F., “Sadistskie stishki” [“Sadistic Verse”], Belousov A. F. (comp.), *Russkiy shkolnyy folklor: Ot “vyzyvaniy” Pikovoy damy do semeynykh rasskazov* [Russian School Folklore: From “Conjuring” of the Queen of Spades to Modern Stories]. Moscow: Ladimir, 1998, pp. 545–577. (In Russian).
- Belousov A. F., Veselova I. S., Neklyudov S. Yu. (eds.), *Sovremennyy gorodskoy folklor* [Modern Urban Folklore]. Moscow: RGGU, 2003, 726 pp. (In Russian).
- Brunvand J. H., *The Vanishing Hitchhiker: American Urban Legends and Their Meanings*. New York; London: W. W. Norton & Company, 1981, XIV+208 pp.
- Chistov K. V., ‘Spetsifika folklor, v svete teorii informatsii’ [Specificity of Folklore in the Light of the Theory of Information], Chistov K. V., *Folklor. Tekst. Traditsiya* [Folklore. Text. Tradition]. Moscow: OGI, 2005, pp. 26–43. (In Russian).
- Dégh L., Vázsonyi A., ‘Does the Word “Dog” Bite? Ostensive Action: A Means of Legend-Telling’, *Journal of Folklore Research*, 1983, vol. 20, no. 1, pp. 5–34.
- Kargin A. S., Kostina A. V., ‘Nauchnoe osmyslenie internet-folklor: Aktualnye problemy i opyt issledovaniya’ [Scientific Reflection

- on Internet Folklore: Important Problems and Research], Zakharov A. V. (comp.), Kargin A. S. (ed.), *Internet i folklor* [Internet and Folklore]: A collection of articles. Moscow: Gos. respublikanskiy tsentr russkogo folklor, 2009, pp. 5–18. (In Russian).
- Neklyudov S. Yu., ‘Folklor: tipologicheskiy i kommunikativnyy aspekty’ [Folklore: Typological and Communicative Aspects], *Traditsionnaya kultura*, 2002, no. 3, pp. 3–7. <<http://www.ruthenia.ru/folklore/necklyudov67.htm>>. (In Russian).
- Neklyudov S. Yu., ‘Ot folklor, a “postfolkloru”’ [From Folklore to “Post-folklore”], Panchenko A. A., *Khristovshchina i skopchestvo. Folklor i traditsionnaya kultura russkikh misticheskikh sekt* [“The Christ’s Faith” and “The Castrates”. Folklore and Traditional Culture of Russian Mystical Sects]. Moscow: OGI, 2002, pp. 5–7. (In Russian).
- Neklyudov S. Yu., ‘Folklor sovremennogo goroda’ [Contemporary Urban Folklore], Belousov A. F., Veselova I. S., Neklyudov S. Yu. (eds.), *Sovremennyy gorodskoy folklor* [Contemporary Urban Folklore]. Moscow: RGGU, 2003, pp. 5–24.
- Novik A., Sobolev A., ‘The Traditional Wedding Costume of the Mrkovići in Montenegro: Between Real Heritage and Folk Construction (Materials of the Russian Expeditions in 2012–2014)’, *Folklore. Electronic Journal of Folklore*, 2016, vol. 66. <https://www.folklore.ee/folklore/vol66/novik_sobolev.pdf>.
- Russell F., *Newslore: Contemporary Folklore on the Internet*. Jackson, MS: University Press of Mississippi, 2011, IX+268 pp.